

Оглавление

1. Баудолино пишет впервые	9
2. Баудолино встречает Никиту Хониата	21
3. Баудолино пересказывает Никите, что им написано в отрочестве	39
4. Баудолино разговаривает с императором и влюбляется в императрицу	56
5. Баудолино дает Фридриху умные советы	66
6. Баудолино едет в Париж	80
7. Баудолино пишет любовные письма за Беатрису и стихотворения за Поэта	98
8. Баудолино в Земном Раю	106
9. Баудолино ругает императора и соблазняет императрицу	124
10. Баудолино находит Волхвоцарей и беатифицирует Шарлеманя	133
11. Баудолино строит дворец пресвитеру Иоанну	149
12. Баудолино пишет письмо от пресвитера Иоанна	163
13. Баудолино видит, как зачинается город	180
14. Баудолино отцовой коровой спасает Александрию	209

15. Баудолино в сражении под Леньяно	243
16. Баудолино обманут Зосимой	253
17. Баудолино видит, что пресвитер пишет кому попало	269
18. Баудолино и Коландрина	279
19. Баудолино переименовывает свой город	284
20. Баудолино находит Зосиму	293
21. Баудолино и улады Византии	308
22. Баудолино теряет отца и находит Братину	320
23. Баудолино в третьем крестовом походе	333
24. Баудолино в замке у Ардзуни	348
25. Баудолино видит обе смерти императора	366
26. Баудолино и путь Волхвацарей	387
27. Баудолино в темноте Абхазии	407
28. Баудолино переходит Самбатсион	423
29. Баудолино попадает в Пндапетцим	431
30. Баудолино встречает диакона Иоанна	449
31. Баудолино ждет отправки в царство пресвитера	466
32. Баудолино видит даму с единорогом	484
33. Баудолино знакомится с Гипатией	494
34. Баудолино встретил настоящую любовь	517
35. Баудолино против белых гуннов	527
36. Баудолино и птицы рухх	538
37. Баудолино умножает сокровища Византии	551
38. Баудолино на разбирательстве	570
39. Баудолино столпник	593
40. Баудолино больше нет	610

<i>Елена Костюкович. От переводчика .....</i>	<i>612</i>

Баудино

1

Баудолино пишет впервые

*Ratispone¹ Anno Domini Domini mense decembri mclv kronica
Baudolini cognomento de Aulario²*

*io Baudolino di Galiaudo de li Aulari con na testa ke somilia un lion³
alleluja sieno rese Gratie al siniore ke mi perdoni⁴*

*a yo face habeo facto⁵ il rubamento più grande de la mia vita cio è o
preso⁶*

*в сундуке епископа отто кучу листов что были поди из канцелярии
императора и их соскреб почти совсем кроме только слов что не со-
скреблись ой соскребались*

*кроме слов что не смог соскрести сейчас имею много пергамента
чтоб написать*

*все что угодно то есть писать мою Хронику но не могу написать
латынью*

1 в Регенсбурге (лат.) (Здесь и далее – прим. перев.).

2 года Господня месяца декабря 1155 хроника Баудолино из семьи Аулариев (искаж. лат.).

3 я, Баудолино сын Гальяудо из Аулариев с головой, похожей на льва (искаж. итал.).

4 благодарение Господу и да помилует меня (искаж. итал.).

5 я совершил (искаж. лат.).

6 самое большое воровство в моей жизни, то есть я взял (искаж. итал.).

как потом найдут что листы не находятся ох они устроят
тут капернаум ох они решат тут лазутчик епископов римских
на погибель императора федефика

но может им не надо ничего никому в канцелярии пишут себе
что попало что надо и не надо зачем искать пергамены да хотели
они ими подтере да видали они их в гробу

ncipit prologus de duabis civitatibus historiae AD MCXLIJ conscript
saepe multumque volvendo mecum de rerum temporalium motu ancipitq¹

это было я не сумел убрать читать не надо

найдут мои листы не узнают кто писал ни один в канцелярии
не знает язык фраскеты

язык фраскеты на нем никто никогда ничего не писал

увидят листы узнают язык непонятный узнают кто писал это я пи-
сал все говорят что люди из фраскеты болбочут не по христиански
надо спрятать лучше

язва в душу нудно писать ноют пальцы

это говорил мой родитель Гальяудо парню такая фортуна от бо-
гоматери Роборетской не иначе еще мальцом слышит от кого
V или X слов любую молвь запоминает повторяет и как говорят
в Фердоне Тортоне и как говорят в Гави и даже как говорят в Ме-
диолануме Милане а там сам черт ногу вообще не поймешь чего

вообще когда я встретил немчуру

вообще когда я встретил первых немцев они облежали обложили си-
дели осадой у Ферд Тортонны все сгруженные пьяные в забубенные говори-
ли rausz u min got и я через пол дня говорил raus u Maingot так точно

1 ...чать пролог о двух царствах истории в год Господен 1143 (лат.). ...часто и подолгу
размышляя о переменчивости и превратности дел земных... (изм. перев. с лат. яз.
Т. И. Кузнецовой.)

и они говорили *Kind* поищи ка нам хорошую *Frouwe* будем с ней *fiki-fuki*

я спросил что это *Frouwe* они в ответ *domina dauna donna fetina* ну ферштейн и делали руками такие большие *Tette* а у них в лагерях с феминами просто *schwach*

все тортонские *Frouwe* сидят внутри а они снаружи и когда будет город ихний то аллес гут зер гут но покамест *schlecht* ни одной изловить негде добавляли такие анафемы что даже у меня мурашки по спине

вы дермовые швабы говорил я

так я и привел *Frouwe* дожидайтесь обходитесь в свои кулаки мамма миа могли вообще убить

мамма миа *mater mea* вообще я латынь крепко знаю учился читать по латынским фолиантам понимать понятно но писать не силен когда писать какие вербумы

ну просто чума не вспомню когда он *equus* когда он *equit* а вот у нас в фраскете как скажут Конь то значит Конь а писать никогда не ошибуться потому как никто не пишет потому как никто и читать то не умеет

но тогда мне повезло алеманы меня не тронули

потому как раз явились *milites* кричали быстро быстро пошли опять в атаку начался такой содом мамма миа я не понял ни бель-меса луконосыцы туда щитоносцы сюда трубы трубят башни вышиной в Бормидские дубы движутся колесным ходом

на башнях тех застрельщички

на башнях ядерные запасы

понизу *milites* катят ту башню с колесами

по тем *milites* бьют стрелы как град

milites кидают камни здоровенным черпаком с пружинами прями по-над у меня над головой у меня свистят все те эякулы которые тортонцы эякулируют из города ох баталия

я тогда залег под куст и два часа повторял *virgine sancta* по-милуй мя все успокоилось стали бежать мимо меня новые *milites* говоря по ~~папийски~~ навийски что поубили толико тортонцев

*река танаро красна от крови теперь будут знать как якшаться
с медиоланцами*

*поелику ожидались обратно алеманы кто просили найти Frouwe
может не все бы воротились ибо тортонцы тоже не сидели сложа
руки но все же достаточно воротилось бы на мою xxxxxxxx голову*

*я рассудил не расчет их дожидаться лучше мотать оттуда
и попроворней*

*я потихоньку пошел добрался до дому под утро рассказал эту
Историю мой родитель Гальяудо сказал добро же лезь во все ба-
талии дождайся лезь вдругорядь и получишь добрую пику в зад-
ницу что не знаешь война дело барское наше дело крестьянское
ходить за коровами мы люди серьезные не чета императору
фридриху он то здесь то там не поймешь где он балмошится
без ума-толку*

*а тортону они тогда не взяли захватили подол города а кре-
пость как была так и стоит то есть тогда стояла как тогда
была так тогда стояла*

*вот к концу моей Истории расскажу что получилось как отвели
от них воду а тем слабо испить свою урину сказали ффридрих да мы же
твои верные он их выпустил а город сперва позже потом разнес в щепу*

*то есть разнесли ~~пантыйцы~~ павийцы в щепу у них зуб зависть
на тортонцев из старинных времен*

*тут у нас не то что немцы те друг друга не разлей вода любят
душа в душу немцы живут тут у нас один из Гамондио встретит
другого из Берголио стервенеет хуже суки*

*но сейчас я объясню всю Историю как я шел ффаскетским лесом
езде туманище выткни глаз носа не разглядеть хоть встретить виде-
ние хоть наваждение так я встретил носорога с туловом конским
и с хвостом львиным и с рогом верченым так я встретил Святого
Баудолина он говорил ко мне блядин ты сын проказник пойдешь
прямо в ад что ты нагородил с этим носорогом*

а я то что

вот как все вышло

всем ведомо поймать единорога возможно только с помощью непорченной Девы сажают Деву к дереву и носорог чужа девственный запах приходит приклонять голову ей куда надо на лоно позвал я тогда Нену из Берголье ее родитель у моего торговал комолую корову я позвал Нена идем в лесочек тут близенько поймаем носорога я усадил ее под деревом знал что она непорченная и говорю расставь-ка ляжки чтоб носорогу было куда приклонить голову она спросила а как расставить я говорю вот так сейчас попробуем давай-ка вместе давай-ка сам я расставь получше тут она засопела ровно коза когда ей придет козлиться ну тут и на меня нашло как сказать не знаю что это было апокалипсис а потом уже

а потом уже она не была честная как лилия и говорит послушай мать моя Святая Богородица как же мы теперь будем ловить носорога и в ту минуту я услышал голос Небесный говорил что тем единорогом искупающим *peccata mundi* оказывается был сам я

и я запыгал по поляне и закричал хип гип ии ффф ффф и был сильнее рад чем истинный бы носорог был рад когда засовывает свой длинный рог нескверной отроковице в лоно тут я и встретил Святого Баудолина тут он и сказал мне блядин ты сын *et cetera* но потом смягчился простил меня и мы потом встречались в лесочке под кусточком но только в такую пору когда туманы а не когда солнце прожигает и скотину и хворостину

но когда я рассказал про Святого Баудолина мой родитель Гальяудо отсыпал мне тридцать горячих приговаривая господи ты боже мой что за чадо видения он видит а корову подоить не может расшибу ему башку нет лучше пусть его на цепь возмут пусть водят по базарам пусть на цепи как ту Африканскую Макаку а моя милосердная мать тут же с воплями шатун ты безумица сохрани господь от такого за какие мне провинности этот сын он же видит святых а родитель мой Гальяудо ей в ответ да никого он не видит это же плут хуже искарियोта и он несет что придет в голову лишь бы только ему не работать

заведу эту Историю ибо без нее неясно что произошло в тот вечер когда стоял густой туман хоть ножом его режь подумать только был апрель но в нашем околотке туман бывает даже в августе и если кто не из нашенской округи понятно заблукать ему недолго меж Бурмией и Фраскетой особенно если никакой святой не поведет под уздцы его лошадь

так я возвращаясь домой я увидел перед собою барона на лошади цельем из железа

железный цельем был барон а не лошадь и меч здоровый битюг что твой король арагонский

я тут обробел мамма миа вдруг это впрямь Святой Баудолин не миновать мне тогда преисподни

но он сказал мне Клейне Кинд Битте и я тут понял что это барин из алеманов в тумане заблукал у нас по лесу и не находит путь к своим а вечереет он показал Монету я не видал допрежь Монет но был зело доволен что я понимаю и говорю по алемански

я ему говорю дойч послушай дойч куда ты прешь

тебя же занесет в самые плавни как пить дать

насчет питья не знаю что он подумал пить они горазды но в общем смысле поди понял

потом я сказал я знаю что у вас у дойчей всегда весна и поди у вас у дойчей в краю цветут лимоны только у нас во Фраскетской Гати всегда туманы выколи глаз и в тех туманах погуливают удалые люди отродие тех еще Арабцев с которыми воевал Карл Великий и люди они недобрые как видят пилигрима то к лесу лицом дадут по шее дубцом разденут догола так побреют что любо дорого глядеть

ерго распожалуете к нам в землянку к Гальяудо родителю моему миску то похлебки горячей точно дадим и тюфяк из соломы уложим на ночь в хлеву заутро по светлоте покажу дорогу раз у вас такая Монета grazie benedicite а мы люди хотя бедные мы люди честные

так я завел его к нам к моему родителю Гальяудо разверз уста начал кричать олух окаянный голова ты баранья почто открываешь мое имя всякому побродяге кто его знает ну как он вассал

Моферратского маркиона вмиг обоброчат плати десятину *de fructibus* десятину от сена от овощей и плати арендные и плати прокатные и плати яремные и мы пропадем из за тебя и уже замахнулся жердиной

я в ответ барин алеманский а не монферратский родитель мне в ответ чем дальше в лес тем больше дров

но чуть только я ему сказал про Монету его будто подменили потому что у нас в Маренго все твердолобы как быки но чутки как лошадки понял что можно что то получить и говорит ты умеешь по ихнему так скажи от меня что я тебе наказываю

itet, мы люди хотя бедные мы люди честные

говорю я уже это ему без тебя говорил

не твое дело говорят так скажи ему от меня по ихнему повтори *itet grazie benedicite* благодарствуем за Монету но мы еще не пожелаем вашему благородию и сена для коня и миску харчей с сыром с су-хафем нальем чарку из праздниковой баклаги и что устроим вашей милости постель заместо твоей подле печки в теплоте а ты сам дармояд поди в сараюшку

itet пусть даст поглядеть пощупать Монету я беру генуэзские сольды и пусть ни в чем себе не отказывает у нас тут в Маренго гость в дом бог в дом

тот в ответ *haha* вижу люди третьи у вас тут в Маренкуме однако негоция есть негоция я даю две такие Монеты а ты забудь про генуэзские сольды потому как на генуэзский сольд я способен *каufen* все твое подворье и со всеми бестиями берешь две мои Монеты и молчишь сам знаешь и так не в накладе

родитель мой замолк и взял две те Монеты что тот синьор бухнул на стол

потому что у нас тут в Маренго люди твердолобы как быки однако и дюже чутки и набрюханился как волк (тот господин) точнее как два (волка) и потом когда родитель и моя мать за-собирались спать наломавши за день спины не то что я кото-рый прохлаждался себе в лесочке говорит доброе вино тут у вас

*посижу чуточек у печки расскажи мне что нибудь Кинд покажи
на что ты горазд на моем языке*

*ad petitionem tuam frater Usingrine carissime primos libros
chronicae meae missur¹
ne humane pravitate²*

тут тоже не сумел содрать буквы читать не надо

*заведу порядочно Историю как в тот вечер с алеманским бароном
что хотел знать откуда мне известен его язык а я сказал это мне
фортуна как апостолам и что другая мне фортуна иметь вожде-
ния что твоя божевольная баба*

*иду по лесу и вижу особу Святого Баудolina верхом на носороге
млечного колера и рог единый с завоем и растет тот рог точно
там где у коня нос то есть то что у нас нос однако конь не имеет
носа ибо под ним нет усов*

*у барона же ус знатный и борода просто загляденье колером буд-
то медная посуда а у других немцев волос желт даже тот что тор-
чит из ушей*

*барин на это говорит мне ладно значит ты видел этого носо-
рога ты поди разумеешь Monokeros но откуда же тебе известно
что существуют носороги на свете*

*я отвечаю из читанной книги что мне давал фраскетский пу-
стынножитель а немец вылупивши глаза как филин так что же
ты и читать умеешь*

еще как говорю послушай мою Историю

*значит вот теперь Историю веду слушай святой Анахорет
у нас тут близко от лесу когда ему поднесут крещенные люди куру
или кроля помолится за здравие о них по писаной книге и когда про-*

1 я счел необходимым, дорогой брат Изенгрим, в ответ на твою просьбу начать первую книгу Хроники (изм. перев. с лат. яз. Т. И. Кузнецовой).

2 ни заблуждений людского рода (лат.).

ходят мимо побьет себя по груди камнем но я мыслю то не камень а то комлыга из глиняного брениа не сильно вередит

и вот однажды ему поднесли два яйца он себе читает в открытой книге я думаю добро же по христиански поделим пополам яйцо ему яйцо мне все едино он читает не видит

но он уж не знаю как сумел увидеть хотя читал в открытой книге однако сгреб меня абие за шкирку я говорю христос учил делиться а он со смехом говорит какой шустрый мальчик ходи сюда почаще и поучись грамоте по писаному

он обучил меня по писаному не пожалел оплеух а когда мы свели лучше знакомство говорит какой ты крепкий отрок и голова рыжа ты как *Felis Leo* дай взглянуть а крепки ли твои руки дай пощупать здоровы ли плеча и потрогать там посередине ног благополучно ли твое здоровье тогда я понял куда Анахорет целит и лягнул его коленом в самые *Testicula* так что он ажно согнулся и приговаривал вот иудино семя вот пойду и расскажу народу в Маренго что тобой владеют бесы вот тебя и сожгут увидишь

иди иди я ему говорю на это

сперва я расскажу что видывал как ты ночами любишься с болотною кикиморой как ты ее со всех с троих концов поглядим кого они предпочтут сжечь сам увидишь

тогда он опять смеяться говорит погоди я пошутил

хотел проверить чтишь ли ты благие заповеди

бросим говорить об том приди заутра зачем учиться по письменному

то едино дело чтение знай себе гляди и губами пришепывай

ино дело писание в книге потребны и чернило и листы и перо истый знаток в чернилах крещен, пергаменом повит, концом пера вскормлен тот отшельник сам завсегда говорил как по писаному

я ж ему в ответ кто умеет читать тот научается тому чего не знал дотоле

а при писании не научаешься ничему

пишешь то что дотоле и сам знал

благотерпение! лучше все же мне остаться и поучиться ибо писать-то я охотник но не охотник подставлять задницу

пока это я рассказывал тот барон немецкий реготал как скаженный браво браво кляйне кавалер все эти старцы почитай до одного allesammt Sodomiten но скажи ты мне скажи что еще ты повидал гуляя лесом а я ему в ответ думая он один из тех кто собираются взять Тортону кто то из имперских фридриховых думая дай-ка обрадую его может выложит еще одну Монету говорю что запозавчерашнею ночью мне явился Святой Баудолин говорил императору выйдет виктория под Тортоной потому как Фридрих се единый подлинный богоданный владыка над всей Лонгобардией включая нашу Фраскету

слыша это господин говорит Кинд ты мне послан небом я возьму тебя в имперский военный стан ты расскажешь встречу со Святым Баудолином я ему на то коль изволите скажу даже будто бы Баудолин говорил мне что в баталии поучаствуют святые Петр и Павел поведут вперед имперские войска тот на это Ach wie Wunderbar с меня хватит даже и Петра без Павла

Кинд езжай со мной и фортуна твоя свершится

illico немедля то есть почти что немедля то есть на завтрашнее утро господин говорит моему родителю забираю мальчика с собой повезу где научат и письму и чтению сможет стать министерялом а родитель мой Гальяудо без понятия о чем тот толкует разумел лишь только едоком с воза будет легче и не надо гадать где там шастает небокопнитель

разумел что вот нашелся вожатый станет показывать меня на ярмарках и базарах как Африканскую Макаку но не распустит ли этот синьор руки известно чего можно захотеть от мальчишки но господин ему возразил и назвался великим палец-графом и что у алеманов не бывает Sodomiten а кто такие содомиты недоумевал родитель я объяснил ему

*в ответ же мой родитель отвечал пускай пойдет проспится
эти любители есть везде*

*но видя что господин тот Алеманский полез и вынул еще пятер-
ку Монет в добавок к прежним родитель мой чуть не сомлел и гово-
рит тогда о детище ступай же с этим человеком чтоб не перечить
твоей фортуне а может быть и нашей*

*к тому же поелику алеманы тут все тут у нас обсели вчистую
будто мухи то значит свидимся еще и в этой жизни тут я ему про-
сти прощай прямиком к порогу но как-то вдруг затомился больно
уж моя мать вyla голосила как по покойнику*

*так мы поехали и тот барон говорил мне веди меня туда где ка-
струм импералов а я говорю проще пареной репы глядим на солн-
це и встрень ему прямехонько едем*

*так мы поехали завидели лагерь вдруг налетели какие-то кон-
ные с бородами и доскакавши всей ротой бухнулись на колена и опу-
стили пики и щиты а мечи воздели да что за булготня я не пойму
они ну голосить Кайзер Кесарь Sanktissimus Rex ну целовать в руку
моего барона а у меня челюсть отвисла и рот разинулся даром твое
жерло тут только я понял что мой баронище бородачища рыжа это
и есть самый ихний император Фридрих а я-то ему развешивал
лапшу на уши целый вечер как самому последнему ротозею*

*теперь он скажет отрубите ему голову так думаю и все-таки
думаю ему я обошелся в целых VII Монет а что до моей головы он
мог бы отрубить ее совершенно бесплатно*

*а он при них говорит по sent de l'espavent то есть не робей-ка
все в полном порядке ты несешь БлагуЮ Весть ты малый риер был
удостоен небесного Знамения расскажи же которое Видение яви-
лось пред тобою в чаще леса тут я хлоп оземь будто у меня паду-
чая и выпучил глаза и выпустил устами пену и вопиял что видел
что io vidi и давай выкладывать заведомо что знал про Святого
Баудолина яко же мне прорече*

*народ на это благословение Господу Богу Miraculo miraculo Gott
Mit Uns*

стояли там же и тортонские легаты дотоле в нерешительности сдаваться иль утифаться но слышав о моем Знаменьи рухнули оземь с речами ежели и святые поворачиваются к нам задом не стоит нам бороться лучше уж сдаться по всему видно что на сей раз не обломилось

и тут я видел как выбивались тортонцы из Города мужчины старики женщины дети в слезах рыданиях а немцы их гнали ватагой как скот а те павийцы влетали гурьбою в Тортону с дубьем дрекольем с дрюками стягами жердями круша все на проходе видно рвать Тортону было для павийцев будто парить девку

к вечеру тортонский холм целиком затянулся дымом

от Тортонь как города ничего почти не осталось

такая штука война говорил мой родитель Гальяудо истинное дело говорил он война сволочная штука

однако все таки пусть лучше их

пусть их а не нас

к вечеру император довольный воротился в свою палатку и по доброму мне съездил по затылку как родной мой родитель никогда не делал а потом позвал господина тот впоследствии оказался добрейшим каноником Рагевином и сказал что желает этого парня обучить по лучшим письменной грамоте и арифметике на счетах и тоже и грамматике которую тогда я не слышал и по имени но ныне кой чему обучился родитель мой Гальяудо помыслить не мог об этом

как сладостно разбираться в науках

кем это сказано не припомню

воздадим же хвалу *domini dominus* в общем я хочу сказать слава богу

нелегкое дело все же писать Историю бросает в жар хотя на дворе зима и боязно и лампа выгорает

не помню кем сказано в скриптории холодно палец у меня ноет

2

Баудолино встречает Никиту Хониата

— Что это? — спросил Никита, крутя в руках пергамент и читая верхние строки.

— Первая проба моя, — ответил Баудолино. — С тех пор, когда я написал это, а было мне лет четырнадцать и я только что вышел из лесу, я ношу с собой ее как амулет. Впоследствии я исписал кучу других пергаментов. Бывало, писал каждый день. Думал, я существую только чтобы вечером рассказывать о том, что пережил днем. Позднее мне стало достаточно помесячных записей в две-три строки: я вел свою хронику главных событий. Рассчитывал, что когда я приду в должный возраст, то есть в нынешний мой, из этих пометок выстроятся «Gesta Baudolini». Так в своих странствиях я носил на себе, куда ни шел, историю главных событий жизни. Но когда я бежал от пресвитера Иоанна...

— Пресвитера Иоанна? О нем я не слышал...

— Услышишь от меня, смотри, как бы не надоело... Так вот, когда я бежал, я потерял записи. Будто целую жизнь потерял я.

— Расскажешь мне все, что помнишь. Я собираю обрывки фактов, лоскутья былей и тку из них повести по канве Предопределения. Ты спас меня, ты одарил тем малым будущим,

которое мне осталось. А я одарю тебя прошлым, которое ты потерял.

— Но может, в моей истории и нет смысла...

— В любой истории есть смысл. Я умею найти смысл там, где не видят другие. И история становится книгой живых, как труба громогласная, та, которая вздымает из гроба лежавших во прахе многие веки. Для этого нужно только время. Обдумывать события, их увязывать, выискивать между ними сходства, даже самые незаметные. Но так как других занятий у нас все равно нет... твои генуэзцы говорят: надо пересидеть, пока ярость этих псов не утихнет...

Никита Хониат, бывший верховный оратор, Высший Судья империи, высший чиновник при Покрове Богородицы, тайный советник (логофет), а попросту, как сказали бы латиняне, государственный канцлер василевса Византийского, в то же время придворный деесписатель Комнинов и Ангелов, глядел с интересом на сидевшего перед ним. Баудолино сказал ему, что они прежде встречались в Каллиполисе, при правлении императора Фридриха. Но Баудолино, если и был там, был затерян в толпе остальных царедворцев, а Никита, представительствовавший от василевса, был, конечно, весь на виду. Лгал ли этот латинянин? Как бы то ни было, именно он отбил Никиту от зверствовавших захватчиков, вывел в безопасное место, объединил с семьей и обещал, что поможет им выбраться из Константинополя...

Разглядывая своего спасителя, Никита думал, что тот похож не на христианина, а на сарацина. Лицо опалено солнцем. Бледный шрам перетягивает щеку. Грива рыжих волос, не утративших молодого цвета, придавала ему львиный облик. Никита никогда не сказал бы, что Баудолино уже за шестьдесят. Ширококостные руки лежали на коле-

нях, узловатые в суставах: руки простолюдина, созданные не для меча, а для орала.

Тем не менее по-гречески он изъяснялся свободно и не брызгал слюной на каждом слове, как обычно плевались иностранцы. Давеча он обратился при Никите к захватчикам на щетинистом их языке, произнося слова быстро и резко, и звучало это обидно. Потом он сказал Никите, что имеет особый дар: стоит ему послушать, как двое беседуют между собой на каком угодно наречии, и вскорости он тоже научается говорить как эти. Поражительное качество, которым, прежде думал Никита, наделены апостолы.

Жизнь при дворе, и при каком дворе! приучила Никиту к спокойному недоверию в оценке людей. Что его насторожило в Баудолино, так это глаза: при разговоре как-то вдруг — взгляд исподлобья на собеседника, будто бы с приглашением не принимать сказанное всерьез. Этот недостаток легко извинить кому угодно, но только не свидетелю, из чьих воспоминаний ты собираешься выплести Историю. В то же время Никита был по натуре любознателен. Ему нравилось слушать рассказы, и не только о вещах ему неизвестных. Даже то, что он успел увидеть собственными глазами, будучи рассказано, представлялось ему в совершенно новом виде, как будто его привели на вершину одной из иконных горок и дали увидеть местность в том ракурсе, в котором видят нагорные апостолы, а не с низкой точки зрения верующего. Кроме того, он любил беседовать с латинянами, они были совершенно не такие, как греки, взять хотя бы эти их новые языки, каждый непохож на остальные.

Никита и Баудолино сидели один против другого в комнате на вышине. На три стороны открывались двойные окна.

Через одно имелся вид на Золотой Рог и противоположное побережье, Перу, и Галатскую башню над сплетением за-коулков. В другое был виден портовой канал, впадавший в Георгиевский пролив. И, наконец, третье окно было обращено на запад, и оттуда можно было бы наблюдать весь целиком Константинополь. Можно было бы... да несмотря на самое раннее утро, нежного цвета небеса смеркались от дыма дворцов и базилик, снедаемых огнем.

Бушевал третий пожар за последние девять месяцев. От первого погибли склады и стратегические запасы во всех хранилищах от Влахерн до Константинова вала. Вторым были уничтожены все оплоты венецианцев, амальфитанцев, пизанцев и евреев, от Перамы до самого берега. Уцелел один только генуэзский квартал у подножия Акрополя. А третий пожар бушевал прямо сейчас.

Со своей высоты они видели огненную реку. Падали на землю портики, рушились палаццо, ломались колонны, огненные шары вылетали из зарева и зажигали дальние дома, а потом огни, направляемые ветром, капризным ветром, который холил и лелеял этот пожар, влеклись обратно и дожирали, что пощадили. На вышине клубились плотные тучи, алевшие по нижнему краю, похоже, из-за близкого зарева. Однако с изменением оттенков цвет пожара искажался то ли обманными лучами поднимающегося солнца, то ли из-за попадания в огонь специй, редкого дерева и других снадобий, придававших окраску. В прибавление к прочему, на крыльях ветра с разных окрестностей города долетали все новые ароматы: то мускатный орех, то корица, то перец, а то шафран, горчица и имбирь. Так самый великолепный на свете город хоть и сгорал, но сгорал в благовоннейшем из пожаров.

Баудолино находился спиной к окошку. Его фигура темнела на фоне рассвета и пожара. Никита слушал рассказ,

но воспоминания постоянно возвращали его к тому, что происходило совсем недавно.

Утром в среду четырнадцатого апреля года от воплощения Господня 1204, или же шесть тысяч семьсот двенадцатого от основания мира, по византийскому счету времени, вот уже два дня Константинополь был окончательно захвачен варварами. Византийские секироносцы, блиставшие щитами и шеломами на парадах, и императорская гвардия, состоявшая из английских и датских наемников, вооруженных страшными двуперыми рогатинами, еще в пятницу сопротивлялись неприятелю, отбиваясь с отвагою, а в понедельник утром дрогнули и осаждавший враг преодолел, наконец, оборонные стены города. Победа была так неожиданна, что сами нападавшие остановились, оробели и к вечеру не двинулись вперед, а, чтоб отгородиться от защитников, подпустили новый пожар. Однако утром наступающего дня, во вторник, в городе стало известно, что ночью узурпатор Алексей Дука Мурцуфл покинул Константинополь и убежал в тыл. Горожане, оставленные, побежденные, проклиная престолопохитителя, которого сами превозносили с тех пор, как он удавил предшественника и до вчерашнего вечера, не зная теперь, как им поступить (ничтожества, пугливцы и позорники, стонал Никита о стыде этой сдачи), составили великое шествие, с патриархом и всевозможными священниками в обрядовых облачениях, с монахами, бормотавшими молитвы, готовыми продаться новому хозяину, как они продавались прежде, с крестами, с образами Лика Господня, вознесенными на высоту столь же рьяно, как возносились их вопли и стечения, и вышли навстречу завоевателям, рассчитывая умиловить.

Безрассудство! Умилостивить варваров! Те не нуждались, чтоб противник сдался, для исполнения многомесячно вымечтанного: сровнять с землей самый огромный, самый многолюдный, самый богатый, самый благородный на земле город и поделить между собой трофеи. Великий кортеж плакальщиков вышел прямо на строй христорборцев, грозно насупленных, со свежей кровью на мечах, вышел на дикую конницу. Молитвы никого не тронули. Началось великое разграбление.

О Господи Всеблагий, о истязания, о мука, выпавшая на нашу долю! Отчего ни бурление моря, ни туск или полное затмение солнца, ни красный обмет вокруг луны, ни смещение звезд, ничто не предзнаменовало нам крайнего злоключения? Так плакал Никита вечером вторника, меряя нетвердыми шагами то, что являло столицу последних римлян, стараясь избежать орды безумных вероломцев и в то же время натываясь везде на новые очаги пожара, в отчаянии, ибо не находил дороги домой, и в страхе, как бы тем временем злодеи не взъярились на его семью.

Так до самого наступления ночи он не смел пересечь сады и открытые пространства между Софией и ипподромом и в конце концов оказался перед храмом. Храм был открыт, Никита вошел, не полагая, что варвары дойдут до осквернения святого места.

Вошел и побелел от ужаса. Пространство было усеяно трупами, по ним скакали, до невероятия пьяные, всадники врага. Толпа крушила дубьем серебряную с золотом трибунную ограду. Великолепный сияющий иконостас был обмотан веревками: его выкорчевывали, к веревкам вязали мулов. Одурелая хмельная ватага погоняла, нахлестывая, скотов, но мулы оскальзывались на мозаиках пола, а грабители колотили и лупили мечами, а порой и кололи злополучных животных, которые от испуга то и дело прыскали повсюду жидким калом, многие из них валились и переламывали

ноги, так что все предалтарное пространство было в слякоти из крови и навоза.

Передовые когорты Антихриста стервенели у алтарей. Никита видел: распахнули мощехранилище, вытащили утварь, разливали на пол святые умащения и ножами вылущивали из узора чаш драгоценные камни, и, упрятав наживу в одежду, бросали ручники и кадила в наваленную кучу, обреченную переплавке. Некоторые вдобавок, ухмыляясь, доставали из чересседельных сумок винные фляги, лили вино в святую посуду и лакали, передразнивая священников. И того жутче! В глубине, на амвоне, ныне открытом всем на свете взорам, похабничала какая-то блудница, по-видимому охмеленная дурманом, плясала босиком на причастном престоле, изображая церковную службу. Мужчины вокруг хохотали и подзуживали, чтоб она сняла последние одежды. Она же, постепенно оголившись, пошла кругами у алтаря в движениях древнего умоисступленного танца кордака, вслед за тем рухнула, устало рыгнув, на патриарший трон.

Стеная обо всем увиденном, Никита заторопился в глубину храма, к тому столбу, который всенародно почитался как Потеющая колонна. И правда, при благоговейном прикосании поверхность выделяла сверхъестественную влагу. Отнюдь не по мистическим причинам торопился теперь Никита добежать до столба. Но в середине пути к колонне ему перегородили путь двое захватчиков исполинского роста и сурово прикрикнули на него. Не требовалось быть знатоком их языка, чтобы понять, что по придворному платью они решили, будто Никита набит золотом или способен сказать, где его прячет. Никита осознал, что погиб. В ужасе блуждая по улицам, он не раз видел: никто не спасался, крича, что владеет лишь несколькими монетами, уверяя, что не прячет кладов на стороне. Обесчещенные дворяне, плачущие старики, обнищавшие землевладельцы проходи-

ли через смертные пытки. От них требовали сказать, где упрятаны запасы. Кто не признавался, погибал от истязаний, а кто признавался, тех бросали как падаль, и они, изувеченные пытками, в любом случае умирали, а их палачи тем временем выворачивали камни, расшибали стены, вламывались в двойные потолки и накладывали хищные лапы на бесценные сосуды, шарили в бархате, в шелках, щупали меха, перекатывали в пальцах украшения и камни и принюхивались к специям, упакованным в коробки и мешочки.

Так в описанную минуту Никита увидел свою кончину, оплакал семью, которая его теряла, и замолил о прощении грехов. Тут в константинопольский верховный кафедральный собор Святой Софии въехал Баудолино.

Прекрасный, как Саладин, на лошади, чей чепрак был чуден, со рдяным крестом на груди, с голым мечом и с воплем: «Разъязи вас огонь в бога и в рот и в душу, в чертову мать и в печенки, хриstopродавцы, олухи, свиньи, паскуды, беззаконничать над добром Господа нашего Христа Иисуса?!» — он колотил плашмя по богохульникам, как он, крестоносным, но с тем различием, что он был не пьян, как они, а взбешен. Догарцевав до патриаршего престола, где разлокотившись лежала шлюха, он перегнулся, схватил ее за гриву и начал валять по навозу, выкрикивая чудовищные вещи о матери, что ее породила. Однако вокруг него те, кого он хотел разогнать, были так полны вином, или настолько заняты выламыванием камней из любых материй, куда эти камни были вделаны, что не видели Баудолиновой горячки.

Горячась, он подскакал к двоим гигантам, начинавшим истязать Никиту, увидел схваченного, молившего о пощаде,

выпустил волосы изуродованной куртизанки, та свалилась к его ногам, и проговорил на чистом греческом:

— Готов поклясться всеми двенадцатью волхвами, ты же Никита, министр тутошнего кесаря! Что я могу для тебя сделать?

— Брат во Христе, каково бы ни было твое имя, — взвопил Никита, — спаси от этих латинских варваров, желающих моей кончины, сохрани мне тело и свою душу! — Двое латинских ратников, не сильно много разобрав в чередовании восточных созвучий, требовали объяснений от Баудолино, который казался им своим, обращаясь к нему по-провансальски. И на отменнейшем провансальском наречии Баудолино рывкнул на них, что это пленник графа Балдуина Фландрского, и по его приказу пленник разыскивается на основании аргана импегии, государственной тайны, в которой ничтожные сержанты вроде них не могут разуместь ни бельмеса. Двое остолбенели на минуту, потом решили, что задираться — терять время, когда тут можно нахватать сокровищ без счета, и удалились к головному алтарю.

Никита не пал с лобзаньем к стопам спасителя, потому что уже и так был на полу, но и не смог соблюсти достоинство, приличествующее его сану. — О мой добрый господин, благодарю тебя за помощь. Не все латиняне, значит, неистовые скоты с искривленным от зложелательства ликом. Так не ярились даже сарацины, когда завоевали Иерусалим! Там Саладин в обмен на несколько монет позволил выйти мирным горожанам! Что за позор для крещеного человечества! Идут с оружием братья против братьев, пилигримы, чьим намерением было отвоевание Господня Гроба, дали остановить себя зависти и корысти, и разрушают империю Рима! О Константинополь, Константинополь, отечество церквей, царство вер, руководство безукоризненных суждений, вскормление наук, отдохновение красот, тебе

приводится испить из руки Господней чашу гнева, и вот ты опален огнем сильнейшим, нежели тот, что ниспал древле на Пять городов! Какие жадные, неумолимые демоны излили на тебя, столица, излишества опьянения, что за шалые ненавистные женихи засветили твой свадебный факел? О мать, даве облаченная в виссон и царскую порфиру, ныне испачканная, изможденная и лишившаяся своих детищ, мы как птицы, пойманные в клетку, не находим выхода из града, бывшего нашим, не находим мужества оставаться, и в бесприютности мыкаемся, как блудные звезды!

— Говорили мне, — отвечал Баудолино, — что у вас, у греков, рассуждают длинно и о чем попало, но я не знал, что до такой невозможности. Государь Никита, тут надо думать, как унести целыми задницы из этого места. Я могу тебя пристроить на квартиру у генуэзцев. Но ты должен указать скорый и тихий путь в Неорий. Крест у меня на брюхе защищает меня, а не тебя. У тех, с кем мы будем видаться по дороге, свет разума несколько подзатемнился, и если я пойду по городу с пленным греком, им покажется, будто ты чего-то стоишь, и тебя в момент отобьют.

— Мне известна одна дорога, но она не лежит по улицам, — сказал Никита, — и придется оставить коня.

— Ну, придется, значит, придется, — отвечал Баудолино с бесшабашностью, которая изумила Никиту, не подозревавшего, сколь малой ценой он достал себе эту лошадь.

Никита с помощью Баудолино сумел подняться, взял того за руку и, крадучись, повел к Потееющей колонне. Осторожно осмотрелся вокруг: повсюду в церкви, как мураши, пилигримы что-то усердно ковыряли, не обращая внимания на обоих. Он преклонил колени перед колонной и всунул пальцы в щель меж половых плит. — Помоги, — обратился он к Баудолино, — может быть, вдвоем осилим. — И действительно, через несколько попыток плита подалась, и открылось темное про-

странство. — Там ступени, — сказал Никита. — Первым я, потому что знаю, куда опираться. Ты потом закрой снова крышку.

— И что будет? — спросил Баудолино.

— Когда спустимся, — отвечал Никита, — мы нащупаем внизу нишу, в ней будут факелы, кремьень и кресало.

— Хороший город этот ваш Константинополь, везде сюрпризы, — бормотал Баудолино, спускаясь винтовой лестницей. — Жаль только, что эти свиньи в нем не оставят камня на камне.

— Какие свиньи? — переспросил Никита. — Разве ты не один из них?

— Я? — возмутился Баудолино. — Ну нет. Если ты судишь по моему наряду, я его взял взаймы. Когда они ввалились в город, я уже тут находился. Так где, говоришь, факелы?

— Не торопись, еще несколько ступеней... Кто ты, как тебя называют?

— Баудолино из Александрии. Не из египетской, а из той, которая ныне зовется Кесареей, а может быть, не зовется никак, ее могли и пожечь, как пожгут Константинополь. Из той Александрии, что лежит между северными горами и морем, возле Медиоланума. Может быть, слышал?

— Медиоланум я знаю. Его стены были однажды свалены царем алеманов. Потом наш василевс дал им денег, чтобы снова отстроить.

— Вот, я был при этом императоре алеманов и тогда, и до самой его смерти. Ты его видел, когда он шел через Пропонтиду, лет тому назад пятнадцать.

— Фредерик Рыжебородый. Величайший и знатный принцепс, сострадательный и милосердный. Никогда он не поступил бы, как эти...

— Ну, положим, когда брал города, Фридрих тоже не бывал ласков.

Наконец они спустились с лестницы. Никита нашел факелы, и двое, держа их высоко над головой, преодолели длинный лаз. Взгляду Баудолино открылось червео Константинополя, где почти под основанием самого громадного собора мира стояла неведомая вторая базилика. Ее колонны мрежились во тьме как множество деревьев озерной рощи, вырастающих из воды. Не то базилика, не то аббатская церковь, но стояла она вверх ногами, потому что свет, облизывавший капители, сникающие в тени высоких сводов, шел не через розу фасада и не через стекла, а от водяного пола, отражавшего зыбучее пламя, струимое факелами пришельцев.

— Под почвой города много водохранилищ, — сказал Никита. — Сады Константинополя вовсе не дар природы, а результат искусства. Но видишь, вода теперь еле доходит до колена. Ее вычерпали на тушение пожаров. Если захватчики разгромят еще и эти акведуки, всех ожидает смерть от жажды. В обычное время тут бродом невозможно, обычно тут плавают на лодке.

— И так по воде пойдем до гавани?

— Нет, акведук оканчивается раньше. Однако есть проходы в другие галереи, к соседним водоемам, и в общем если не до Неория, то до Просфория это подземелье доводит. Однако, — прервался он с печалью, будто припомнил одно забытое дело, — я не могу идти с тобой. Я объясню тебе дорогу, а сам вернусь. Я должен спасти свою семью, она скрывается в одном домишке около Святой Ирины. Понимаешь, — похоже было, что Никита извинялся, — мой дворец пострадал во время августовского, второго пожара...

— Никита, ты ненормальный. Сначала ты тащишь меня под землю, я бросаю коня, в то время как без тебя-то я до Неория спокойно мог бы доехать по любой дороге. Во-вторых, надеешься добраться до семьи прежде чем другая парочка сержантов, примерно таких, как те, с кем ты